

## ФЕЛЬЕТОНЪ.

### По роднымъ окраинамъ.

Владикавказскій мудрецъ. — Страшныя слова. — Наши курорты. — Другъ человечества. — Дуэль.

#### I.

Извѣстно, что «Человѣкъ и футляръ» Чехова считалъ себя удрецомъ, человѣкомъ осторожнымъ, апостъ постигшимъ жизненную механику, провидцемъ, способнымъ усмотрѣть всякую опасность за сто верстъ. Отсюда его страхи предъ всякимъ «выражанъ», его стремленіе во всемъ подлазяться, во всемъ угождать отовсюду себя обезопасить отъ грозящихъ ему опасностей, отсюда его и «футляръ» физическій и моральный. Безъ футляра ему нельзя, онъ спасаетъ его отъ непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью: въ лицѣ физической природы и моральнаго воздействия окружающей среды. Не считая онъ себя мудрецомъ, онъ хотя и остался бы такимъ же трусомъ, но положился бы, вѣроятно, на «судьбу», и не сталъ бы зарываться въ свой футляръ и не овертывалъ бы этимъ футляромъ и своихъ товарищей и знакомыхъ. Все дѣло, вся бѣда въ томъ, что онъ считаетъ себя мудрецомъ, которому извѣстно все будущее и прошедшее; — всѣ причины и вытекающіе изъ нихъ страшныя слѣдствія казались ему ясными и неопровержимыми.

— Быть бѣдѣ, — повторялъ онъ себѣ на каждомъ шагѣ и все дѣлаше и дальше уходилъ въ свой футляръ и все невыносимѣе дѣлался для окружающихъ.

Но «Человѣкъ и футляръ» Чехова умеръ, благодаря случайности, благодаря тому, что весь правяственный и физическій организмъ его былъ потрясенъ вслѣдствіе столкновенія съ тѣмъ же фантомъ, котораго онъ никакъ уже предусмотрѣть не могъ. Футляръ, этотъ надежный оплотъ отъ всѣхъ напастей, не спасъ его отъ крушной неприятели, — а это его вышибло изъ коленъ, разбило его въ единственную защиту, въру въ его футляръ. Онъ потерпѣлъ крушеніе и не вынесъ его, слегъ въ постель и умеръ. А иначе послѣ такого крушенія оплота, онъ могъ окзаться храбрецомъ, хотя это и была бы храбрость отчаянія.

Но не всѣ «люди футляра» понимаютъ смерть. Бывшіе физически болѣе крѣпкія натуры и переживаютъ нравъ футляра. Въру въ футляръ терпится, въ душѣ поселяется отчаяніе, отовсюду грозятъ имъ опасности, отъ которой нѣтъ уже никакой защи-

ты, и вотъ они начинаютъ «держаться» глупо, безпорядочно, бессмысленно, а все-таки держатся. Если это простой обыватель, то онъ просто на всѣхъ доноситъ, всѣхъ «обличаетъ» и думаетъ, что этимъ искореняетъ зло, спасаетъ отечество.

Если же это «газетчикъ», то онъ помѣщаетъ въ своей газетѣ проекты «искорененія всѣхъ золъ и напастей». Именно такой человѣкъ въ футлярѣ, мнящій себя мудрецомъ, явился во Владикавказѣ. Какъ то одна изъ тифлисскихъ газетъ про него сказала, что онъ съ ума сошелъ отъ страха. Это едва ли вѣрно, хотя бы потому, что, какъ «человѣкъ въ футлярѣ», онъ былъ сумасшедшимъ всегда, а слѣдовательно отъ того, что бы сойти съ ума, былъ застрахованъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что онъ считаетъ себя мудрецомъ, а на самомъ дѣлѣ является только «человѣкомъ въ футлярѣ».

Ему страшно было съ самаго рожденія, страшно было и въ молодости, страшно было и тогда, когда онъ возмужалъ, а въ среднемъ возрастѣ страхъ дошелъ до того, что онъ впалъ въ отчаяніе и сталъ держаться. Какъ разъ въ это время въ нему въ руки попала газета, и онъ сочинилъ свой первый проектъ. Дѣло касалось разбойниковъ. Разбойники наводили на него ужасъ, не давали ни спать, ни ѣсть, ни спокойно пользоваться приобрѣтенными милостями натроновъ.

— Нужно, нужно искоренить это зло! думалъ онъ. — Да... нужно... А какъ? Какъ его узнаешь: разбойника онъ или нѣтъ?

Ахъ, если бы можно было узнать, тогда бы легко... Перевѣшать всѣхъ и готово... А что, если перевѣшать всѣхъ жителей?.. Нѣтъ, нельзя! А кто же будетъ хоронить похороненныхъ? Не похороненные труны будутъ гнить, заразить воздухъ, и тогда можно самому заразиться и умереть. Какъ же быть? Развѣ...

Тутъ онъ хлопнулъ себя по лбу и обозвалъ дуракомъ. Вопросъ рѣшался очень просто, можно было обойтись безъ висѣлицъ.

На другой день читатели его газеты читали проектъ искорененія въ области разбоевъ. Онъ былъ не великъ и состоялъ всего изъ нѣсколькихъ пунктовъ.

Пунктъ 1-й. Разбѣи зло.

Пунктъ 2-й. Разбѣи пріазюдаются разбойниками.

Пунктъ 3-й. Чтобы искоренить разбѣи, нужно пріняться за разбойниковъ.

Пунктъ 4-й. А такъ какъ разбойника отъ геразбойника отличить трудно, то нужно всѣхъ жителей области сослать въ Сибирь.

*Заключение.* Когда не будет шителей, не будет и разбойников, а следовательно, уничтожиться и разбой.

Тогда-то тифлисская газета, не рассмотрев в нем человека в футляр, а обозвала его сумасшедшим.

Но чтобы доказать, что он вправду и неврещает, он вскоре выпустил новый проект. На этот раз его кухарка, втроатно, разбила стакан и перепугала его до истерика. В этот он усмотрел злоумышленность и принялся за проект «об искоренении злых умыслов в среде кухарок и горничных».

В первом пункте стояло, что кухарки искона состоятъ въ организованнѣ заговорѣ противъ хозяевъ, и поэтому хозяева должны образовать общество противодействия кухаркамъ.

Второй пунктъ, какъ историческій фактъ, сообщалъ, что всѣ кухарки и горничныя de facto проститутки съ младенчества и заражены дурными болезнями, а поэтому ихъ слѣдуетъ сравнять съ проститутками.

Въ третьемъ пунктѣ доказывалось, что кухарокъ и горничныхъ нужно лишить всѣхъ правъ и преимуществъ, а хозяевъ надѣлать полномочіями, дающими имъ право, карать и мѣловать по усмотрѣнію. Четвертый пунктъ долженъ былъ появиться въ слѣдующемъ номерѣ, но втроатно, перепуганная кухарка въ замѣнъ разбитаго за свой счетъ купила новый стаканъ, — а о кухаркахъ больше рѣчи не было.

Но за то на дѣлѣ онъ опять заговорилъ о разбойникахъ. На этотъ разъ онъ причину разбойничества видѣть въ гуманности русскихъ законовъ и пугаетъ разбойниковъ «Русской Правдой» Ярослава Мудраго.

«Всѣ культурные народы, каждый въ свое время переживали такой же періодъ, — говоритъ онъ. — И въ жизни русскихъ былъ періодъ кровной мести, похищенія дѣвицъ и поголовнаго ношенія оружія... Но тогда у васъ былъ не гуманный судебные уставы Императора Александра II, а Русская Правда Ярослава Мудраго».

«Все хорошо въ свое время... что произошло бы на святой Руси, если бы они (законы Александра II) были введены не въ 1864 году, а въ 1028 г., вмѣсто «Русской Правды»».

Какъ видите, владикавказскому мудрецу «Русская Правда» представляется чѣмъ то ужаснымъ, чего способны запугаться даже разбойники, и что въ свое время сдерживало буйныхъ «святотурскихъ» людей отъ расправы по жани. «Человѣкъ въ футлярѣ» представляетъ себѣ «Русскую Правду», очевидно, такой книжкой, въ которой, что ни строка, то пытка, колесованіе, за-

рваніе въ землю по груди, кипяченіе въ котлѣ и проч. ужасы. А про шутъ ужъ и говорить нечего, онъ нѣмѣсто вѣнзета долженъ быть на каждой страницѣ.

Ухъ, страшная книга! Трепещите, разбойники, «Русской Правды!» Вотъ она застѣ!

Впрочемъ, разбойники, можетъ быть, и испугаются: вѣдь они не знаютъ, что въ «Русской Правдѣ» за все про все фигурировало одно наказаніе — вѣра, по нашему денежный штрафъ. Но вѣдь они и газетъ не читаютъ, — для кого же тогда пропечатана такая угроза. Неужели владикавказцы настолько небыстры, что никогда не слышали про «Русскую Правду»?

Впрочемъ, можетъ ли такая соображенія могутъ быть у «человѣка въ футлярѣ», да еще нѣмѣщаго себя мудрецомъ.

## II.

«Все хорошо въ свое время», — говоритъ владикавказскій мудрецъ, — и все хорошо, что ведетъ въ намѣченной цѣли, — думаетъ это тифлисское собрание, и если не пугаютъ своихъ читателей «Русской Правдой», то ничуть не хуже пугаютъ ихъ «страшныя слова».

Страшныя слова — это «противники высшаго учебнаго заведенія», «противники просвѣщенія». Такъ „Наше Обларіе“ знаменитъ тайныхъ и явныхъ противниковъ политехникума въ Тифляѣ. Оно говоритъ о томъ, что до сихъ поръ дѣло о политехникумѣ не двинулось ни на шагъ. «Это потому, что дѣло встрѣтило на своемъ пути много вліятельныхъ противниковъ. Быть вліятельными противниками высшаго учебнаго заведенія, противниковъ просвѣщенія (курсивъ нашъ) въ нашъ вѣкъ, конечно, постыдно».

Какъ видите, противники политехникума отождествляются съ противниками просвѣщенія. Оговариваюсь, и лично ничего противъ политехникума не имѣю, и могу даже указать нѣсколько статей въ вавкавказскихъ и столичныхъ газетахъ, гдѣ я высказывался за политехникумъ на Кавказѣ. Слѣдовательно, къ противникамъ политехникума меня причислять нельзя. Но все-таки мнѣ непонятно, каковы образомъ можно соединить въ одно названіе противниковъ учебнаго заведенія извѣстнаго типа съ противниками просвѣщенія вообще?

Въ томъ же «Нашемъ Обларіи» нѣсколько времени назадъ въ «Календарскій» г. И — нѣтъ разсказываетъ случай открытія школы въ одномъ изъ предѣстій городѣ. Принято въ школу 70 человѣкъ, а желающихъ было до 200 человѣкъ. Не появившіе въ школу въ главѣ съ родителями ломали въ двери, ругались, угрожаютъ даже убійтъ учительницу, наконецъ, прибѣгаютъ къ подкупу. Учи-